

Анатолий ШЕРСТОБИТОВ

Ссан-ПИВОБУРГ

Новые приключения барона,
ныне бармена Мини ХАУЗИНА
в РАЙграДе

Книга барониады №4

Богатыри немые?!

Да-да, онемели от восторга, ибо выгод не счесть:

- на волне гонки разоружения миротворцы из Пентагона строят гигантский пивной комбинат;
- ракетчики ликвидированной дивизии РВСН радостно переучиваются на пивоваров, в разы выше зарплата;
- новейшие технологии позволили проводить пивопровод с любым сортом пива в каждую хижину, школу и завод.

Анатолий Шерстобитов

Сан-ПИБУРГ

«Издательские решения»

Шерстобитов А.

Ссан-ПИБОБУРГ / А. Шерстобитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837453-1

В этой книге барон Миня Хаузин уведен в тень, он стал могущественным Барменом, кто, по сути, мозг и катализатор уникальной кампании превращения дивизии ракетчиков в огромный пивокомбинат, а Райграда в столицу пива евроазиатского материка. Многих патриотов эта гонка разоружения под руководством миротворцев из Пентагона огорчала и грядущую столицу они нарекли уничижительным «Ссан-Пивобург». Станет ли она таковой пока неизвестно, но деятельность гений Бармена обнаружил самую кипучую...

ISBN 978-5-44-837453-1

© Шерстобитов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
– Вертухальная реальность: ракетчики станут пивоварами – Бармен Миня Хаузин и его Пена-Клуб – Уголок пэзии. Избранное из бранного издранное. Новые сказки на старой закваске – Стань факиром. Устрашающий фокус – Дед Мокей, Великий Кучер – Барменарий —	6
Глава вторая	23
– Летучка, коллеги: Галя Матья, Лиза Блюдова, их ошибки – Патентное бюро «ИзоБРЕДатель-АХИНЕзатор» – Яйца- скульптуры – Фанаты-глисты – Сенокосные бабульки – Старики- буравы – Бронированные яйца —Феномен Драчело Менструяни Херьотина страшнее гильотины – Барменарий —	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ссан-ПИВОБУРГ

Анатолий Шерстобитов

© Анатолий Шерстобитов, 2017

ISBN 978-5-4483-7453-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

– Вертухальная реальность: ракетчики станут пивоварами – Бармен Миня Хаузин и его Пена-Клуб – Уголок пэзии. Избранное из бранного издранное. Новые сказки на старой закваске – Стань факиром. Устрашающий фокус – Дед Мокей, Великий Кучер – Барменарий —

Редакция газеты

– Чушь какая-то... Галиматья! – редактор газеты Лепетунько стиснул голову и тоскливо уставился за окно. Скрипнула дверь, протиснулся литсотрудник Ванёк Шпур.

– Вызывали, Леон Галимыч?

– Ну, как там конверсионные дела? – Лепетунько пригладил щедрую плешь.

– Интенсивно созидаются развалины, вчера взорвали третью шахту «Сатаны», последнюю, американцы довольны и хвалят за расторопность. Инвестиции валят одну щедрее другой, чего только не строят и не запускают, дух захватывает, глаза разбегаются. Сейчас поеду на совместное заключительное заседание администрации и штаба дивизии.

– Ум-мм! – снова стиснул голову редактор, но деловито встрепенулся. – За тобой должок под рубрику «В мире увлеченных».

– Все в норме, сегодня ликвидирую, встречаюсь с нужными людьми, завтра к обеду материал будет сдан.

– Не позже! – взметнул белесые бровки редактор и сурово пристукнул карандашом в стол.

Ванек зашел в гараж и увидел довольно привычную благостную картину – шофер, заглазно – Куян, мирно посапывал на кушетке, ему за шестьдесят, понять можно.

– От Советского Информбюро! – громовым голосом начал Ванек, Куян крупно вздрогнул и сел, отирая от слюны угол рта, в мутных глазах его неумолимо истончались и таяли миражи райских видений. – После продолжительных и изматывающих боев за правду и зажиточность граждан, по сведениям прокуратуры, суда и следствия, снова выявлены многочисленные факты разгильдяйства и вредительства на ответственных участках российского идеологического фронта. К повешению приговорены очередные 126 шоферов редакций газет. Трупы повелевается заспиртовать и выставить на площадях для всеобщего обозрения.

– Заспиртова-аать! – блаженно прижмурился Куян. – Но какой же ты все-таки мудака, Ванька, в таком-то месте и заорать, нет бы обождать. Видишь ведь, млеет человек, райствует, так замри, затаи дыхание, походи на цыпочках, мух поотгоняй...

– Ну, конечно, размечтался, это сколько же мне надо тонн мух перебить, пока ты свой вековой сериал досмотришь про принцессу красы невиданной, именем Пр-рревыше всего...

– Мудозвон, – горестно покивал Куян, – разве тебе дано постигнуть, какие сладчайшие кина мне крутит Всемогуций.

– Что, не про принцессу?

– Ну, не без нее, само собой, это ты конечно в точку, распред-твою смазь, – он позевнул до слез и уже совсем деловито осведомился, – ключик на пятнадцать расчехлим?

– Само собой, – блаженно улынулся Ванек. – А тряхнуть стариной не хочешь?

– Всегда готов! – он повернулся к нему спиной.

– Ну что ж, попадем, папаша! – Ванек стиснул ему в кольцо рук грудную клетку, прогнулся, отрывая его от земли, затем стал потряхивать, звучно защелкали, захрустели позвонки и ребра. Куян при этом действе едва не терял сознание от удовольствия. Затем он, расторопно орудуя спецключом, открыл кран внушительного бака из нержавейки, где на боку корявыми красными буквами было начертано: «Отработка маслов». В подставленные стаканы зажурчала брага, легкая, пенистая, игристая.

– Ум-мм! – оба прижмурились.

– Нектар, амброзия, пища богов! – стонал Ванек.

– Ляпота-аа! – вторил Куян придушенно.

«Куяна» нашему водиле впаяли ещё в детстве, за не по годам рассудительность да сходство с премудрым дедушкой Куяном, кто просиживал тогда на завалинке дни напролёт, все-сезонно обмундированный в шапку и пимы с колушкой. И ещё одна кликуха за нашим Куяном числилась – «Гусак», но это уже из обидных, за дефект, за долгий нос, что явно на двоих рос. Матушка его покойная, бывало, говаривала шутя, долготы, дескать, эта затем, что суюшка сынок её несусветный. Ну а изначально наш дошлый Куян наречён был Михаилом, признан законным сыном Авдея Пospelова, потомственного станичника, чья зажиточность после расказачивания и раскулачивания определялась топором на семь дворов да в один кафтан троих согнанием. Что и отвалил наследникам.

Куян на всё это не сетовал, потребностей он был самых скромных, определяя быль свою хожалым аршином – был бы хлебушка край, а уж с ним и под елью рай. Подтверждал эту установку даже его домишко – балаганишко с одним оконцем на улицу, стены же были наглухо задрапированы темной толью. Как слепил его Куян наскоро, так боле рук и не прикладывал, как и ко всем прочим изгородям-сараяшкам. Жёнушка было кой-когда начинала гневаться, но скороотечно, так как у Мишеньки её находился пусть однообразный, зато безотказный ответ, заявлял с придыханием шельма, что, мол, превыше всего на свете для него она, Александра Степановна, радость глаз его вековечная, всё же прочее для него пустяки тленные. И мог так, зараза, объявлять многожды на дню, с неподдельным восхищением в глазах и в голосе восторженностью, хоть трезвым, хоть не совсем, но всегда на одной ноте: «Пр-р-превыше всего!» и ваших нет.

Немного истории о Райграде

Усвоив амброзию, друзья поехали на совместное заседание администрации Райграда и штаба дивизии ракетных войск стратегического назначения. Райград переживал трудные времена. Тысячи четыре лет назад, по уверению археологов, в этих степях Южного Урала буквально бурлила весьма цивилизованная жизнь, раскопана целая цепь своеобразных городов, самый известный из них – Аркаим, расположен он совсем неподалеку, в полусотне километров от Райграда. Сейчас там царит немыслимое оживление, колдуны и прорицатели объявили это место скважиной в космос, местом подпитки, туда проложен регулярный автобусный маршрут, построена гостиница. В основном же, человечество в данных степных краях обнаруживало себя совсем вяло, больше жалось к лесам и рекам.

Временем рождения Райграда можно смело назвать вторую половину 19-го века, когда силами казачества велась тихая оккупация Урала и Сибири, там и сям вырастали станицы и крепости. В годы индустриализации и коллективизации Райград вырос до крупного железнодорожного центра, обслуживал подъездные пути-дороги к легендарной Магнитке. На этом потенции роста иссякли, и городишко стал неуклонно хряснуть в худосочного и убогого карлика, деревеньку люмпен-пролетарского толка.

Однако, в 1965-м году, благодаря гонке вооружения, в частности росту ракетных войск стратегического назначения (РВСН) произошёл новый виток оживления. Искали место для дислокации новой дивизии, всемогущий палец поелозил на карте и уперся в Райград. Место

удобное, по кратчайшим траекториям можно было рассылать «Воеводу» и «Сатану» каждому желающему, в любую точку земного шара.

В одночасье все дороги близ Райграда были заасфальтированы, вплитык вырос новый микрорайон из хрущовок, военный городок «Десятка». К радости женского населения пригнанная дивизия решила вековую проблему простоя даже у самой до этого мало востребованной части девчат, рядовой и офицерский состав всю нерастрченную на врага силу стал обрушивать по выходным на милых дам. Резко поползла вверх кривая рождаемости, абортот, вензаболеваний, спроса на самогон, возрос и соответствующий этому производству травматизм, самцы самозабвенно калечились в свадебных схватках. Кое-какие счастливые дембеля уезжали в далекие родные края с невестами.

Затруднился тогда было даже сбор грибов и ягод в окрестных березовых колках, заветные для многих тропки перегородили шлагбаумы, близ них возникали строгие солдатики, брали наизготовку автоматы и стреляли сигареты.

Райград воспрянул, начал расти, дивизии требовалось немало дополнительной рабочей силы. Вскоре шахты были вырыты, ракеты в них заботливо усажены и тщательно прицелены. Опошляя в какой-то мере секрет содеянного государством подвиг, «Голос Америки» на коротких радиоволнах поздравил командира дивизии с окончанием мероприятия и рождением второго внука.

Но идиллия в Райграде длилась недолго – грянула перестройка, российская империя зла к великой радости американской империи добра развалилась. По страстному уверению последних, чему мощно вторил подголосок мирового сообщества, ядерное оружие такому неуклюжему и косолапому ребенку демократии было просто-таки противопоказано. Прозревшая РоссияРосс Россия радостно соглашалась и торопливо заключала договора на уничтожение его излишков один масштабнее другого. Гонка вооружения кончилась, началась гонка разоружения. Армия, а с нею и Райград стала чахнуть.

А доверительность общения с теми, на кого вчера еще были нацелены ракеты, достигла пика, когда они сами, в ранге властных советников приехали в Райград и стали руководить уничтожением упомянутых излишков. Это был оргазм любовных отношений. Одна за другой многие шахты были взорваны, хотя по договору нужно было только затопить, дивизия была расформирована. В окрестных лесах опять не стало шлагбаумов, зато глазам открылись развороченные ангары, рачительный народ выламывал там все мало-мальски цветметное, долбил, где ни попадя, шурфы в надежде напороться на медный кабель. Наивные, обнищавший комсостав давно выдернул могучими тягачами все до ниточки, выдернул, сдал и пропил, ибо располагал соответствующими схемами.

Быстро таяли и исчезали брошенные кирпичные здания, можно было даже утверждать, что скорость таяния была значительно выше скорости недавнего очень динамичного строительства. Рачительные райгорожане не оставляли на местах вчера еще добротных зданий даже половинок кирпича, оставались только небольшие кучи размолотого связующего материала.

На этом унылом и тусклом фоне разрухи армии и увядания Райграда вдруг пыхнула ослепительная звезда идеи – все спасает необычный зигзаг конверсии. Миротворцы из Пентагона предложили совершенно сногшибательный план, претворение в жизнь которого открывало невиданные шлюзы инвестиций и давало реальную перспективу превращения вчерашнего, мрачного и могучего форпоста в огромный и веселый город, столицу пива... Впрочем, не будем забегать вперед, так как Ванек Шпур и его верный кучер Куян уже приехали на упомянутое совместное заседание администрации города и штаба дивизии.

Стенограмма заседания (фрагменты)

Мэр: – Господа! Решение правительства одобрено президентом и Думой. Мы оказались в авангарде реформ, конверсионных преобразований военно-промышленного комплекса.

В силу сложившихся обстоятельств дивизия ракетных войск расформируется, все ее имущество, основные средства, ряд вспомогательных подразделений передаются городу.

Командир дивизии: – Да, соответствующие приказы нами уже получены. За передачей материальной части дело не станет. Мудрость предложенного коллегами из Пентагона проекта в том, что мы сможем очень полно задействовать опытные, высокообразованные кадры состава. После небольшой учебы, переподготовки, они, а я в это свято верю, будут столь же успешно выполнять свои обязанности на новом поприще. Отечеству нужно, чтобы ракетчик стал пивоваром? И мы чеканом в ответ: «Есть!». Да и к тому же в этих профессиях, как мы открыли при знакомстве с проектом, есть много общего. Именно поэтому 95% офицеров охотно написали рапорта на увольнение, новая работа позволит им сохранить свое жилье, куда приличнее зарабатывать.

Мэр: – Сегодняшнее заседание – итоговое, в дальнейшем проект будет выполняться уже под гражданским флагом, в структуре администрации начинает работу штаб, в его штат включены советники от Минобороны и Пентагона.

Сегодня, ввиду завершения подготовительного этапа работ, мы пригласили представителей общественности и прессы, они могут задавать вопросы специалистам. Кратко о сути проекта. Согласно ряду принятых договоров с Америкой о сокращении части стратегического вооружения все ракеты в нашей дислокации уничтожены. Для задействования освобожденных людей, оборудования, учитывая выгодное пограничное расположение, был предложен проект строительства огромного современного пивоваренного комбината. Чтобы вы представили масштабы проекта, стоит лишь сказать, что транспортировка пива к потребителю будет осуществляться по уникальной технологии, совершенно нестандартно, по керамическому пивопроводу, подобного многожильному кабелю, где каждая из жилок труба со своим сортом пива. Технология трубоукладки настолько динамична и совершенна, что трубу эту можно тянуть хоть на сотни километров в какой-то мегаполис, хоть по частной заявке в каждый пивбар или даже квартиру. Уникальность технологии еще в том, что данный пивопровод это – пневмопровод, то есть каждая из трубок это – ствол, по которому пулей по указанному адресу будет доставлена строго отмеренный размером заказа объем пива нужной марки.

Выкрик из зала: – Даешь пивикацию всей страны, пивкран в каждую коммуналку и хижину! Ура, товарищи!

Мэр: – Ну-ну, всегдашняя ирония коммунистов. Пивикация ваших кабинетов и спецкормушек, любезные, наступила еще до электрификации. Но не буду отвлекаться, сказав о грядущем производственном потенциале, я не сказал главного, в Райграде будут располагаться головной НИИ пивоиндустрии, академгородок, музей, заводы пивного оборудования, вырастут досуговые центры, концертные площадки, аэропорт, земледельцы нашего и соседних районов переходят на выращивание ячменя и хмеля... Вы знаете, я даже не в силах перечислить всего того, что так щедро предлагает проект, ибо все-все-все в городе будет подчинено Пиву, венчает же все это предложение, переименовать Райград в Санкт-Пивобург или Пивград и учредить здесь евроазиатскую, континентальную столицу Пива (зал разразился аплодисментами). – Надо ли говорить, какое это все-таки благо для города, ведь будут созданы не одна тысяча рабочих мест... надо ли говорить, какой это все-таки подарок судьбы для нашего народа, нищего и полуголодного...

Советник из Пентагона: – Господа! Заранее прошу прощать меня за не совсем окей-русский. Господа! Как мне *тронуть* видеть это волнение, как много тут русский душа! Перед вами открылись необозримые *горизонты* глубины развития...

Выкрик коммуниста: – Чем не глубина, пара метров на погосте! Мы и так уже упились вашим индустриальным пойлом до усрачки, уже младенцы готовы поменять материнскую титку на кружку, уже в школах надо лечить детей от пивоголизма!... Зачем взорвали шахты,

козлы, мы могли зарабатывать кучу валюты на выводе спутников на орбиту?!. Уничтожили такое обкатанное уникальное предприятие иуды!..

Мэр: – Выйдите из зала! Выведите его! Это вам не маевка, не митинг под гипсовым Лениным!

Советник: – Все нормально, *демокрахтично*, все путем, как *голосит* русская пословица. Повторюсь, у вашего Райграда светлое, *золотарное*, точнее, *золотушное*, будущее, мы великодушно разрешили вам идти нужным путем, путем свободы и равенства, все путем, господа, *вертухальная реальность* наших планов обращается в плоть и кровь, мы всегда на этот счет держали и будем держать *пушки на макушке*. Конечно, вы люди разные, есть гордые, *с гонореей*, есть фанатичные *попализаторы* наших планов, все правильно, как *голосит* русская пословица, *на семерых один гандон не обуешь*. Все путем, господа, наше *товарищество* на этой почве будет неуклонно крепнуть и процветать, все о-кей!..

Пена-Клуб

– Поехали в Пена-Клуб, – сказал Ванек, – оставишь меня там, а сам можешь ехать домой.

– А я и не спешу особливо, – возразил не без обиды Куян, – посижу, как всегда, молчки, у стенки, никому не помешаю. Или нельзя стало?

– Да сиди, сиди, сколько хочешь, дядь Миш, просто я подумал, что домой рвешься, к Превышевшего.

– И рвусь. Но ведь она, миланья, ждет меня с чем-нибудь интересеньким, выставит ужин свой объедательный и давай пытаться, что видел, что слышал, а как, а почему, так, порой, до самой полунощности и балаболим.

– Она у тебя сказочница непревзойденная, от Бога, я твоим внукам от души завидую, такого, порой, наплетет, диву даешься, откуда только что берется.

– Она такая, выдумщица и хохотунья.

– Сегодня я пару её сказок ребятам зачитаю, рубрику новую объявлю в связи с этим: «Новые сказки на старой закваске».

– Валяй, она тебе их сотни может наклепать, приходи, под чаек задушевный из нее аки ручеек какой неиссякный исходит, уж такая она у меня, распред-вашу обитель...

История создания Пена-Клуба началась со времени выпуска нескольких сортов достаточно специфического пива: «Взлёт Музы», «Пегас-Фугас», «Галоп Пегаса», «Впрыск на Парнас» и ряд прочих, в том числе «Пена с Пегаса», что и стало первым именем литобъединения, преобразованного позже в Пена-Клуб. За удачу в названии литераторы сочли также ориентацию не только на капризное вдохновение, но и труд до большого пота, с пеной. Все упомянутые сорта пива единило одно – помимо закономерного удовольствия, по их испитию у человека открывался дар Творца Слова.

Припоминается одно из первых посещений литобъединения писателя Агапа Кристина, который только вернулся из Москвы крайне удрученный отказами многих издательств, не принимали к печати его поэму о любви.

Перед тем как прочесть всем свой опус на двадцати страницах, Агап вкусил пару кружечек «Пегас-Фугаса», уже было приосанился для декламирования, но, вдруг, решил что-то подправить в рукописи и углубился в работу. Вскоре, в корзину полетело пять скомканных листов.

Ещё раз вкусив пивка, на этот раз «Сальто с Парнаса», он снова разосанился и сгорбился над опусом. В корзину улетело ещё листов десять. На седьмой кружке, уже «Дитя Лиры и Пегаса», Агап Кристина счёл, что достанет для сохранения обжигающего чувства любви и одного листика.

К десятой кружке пивка именем «Плод Пегаса» листок был исчерпан, и поэма обрела размер сонета. Ещё кружечка – частушка. Ещё – китайское двустрочие... «Затянуто! – стук-

нул кулаком в стол Агап, и ребята пододвинули ему ещё кружечку с пышной шапкой пены, самого убойного – «Аборт Лиры». Он ещё раз собранно поработал, отёр пену с усов, встал, уже бесповоротно приосанился, прижмурился вдохновенно и прочёл заглавие: «Как во славном граде Китеже воспыал нарцисс чувства огромного у отрока Самуила Митрофановича ко прекрасной дивчине Агнессе Леопольдовне Вульф». Тоскливо посмотрев на пустую кружку, он прочел и саму поэму:

– Мы каталися в купе, совокупляся вкупе!

Успех был налицо, и ему выставили ещё пару кружек пивка «Хоровод вокруг Парнаса Музы, Лиры и Пегаса», робко посоветовав переконспектировать и название поэмы. На что он тут же согласился, избрав вариант однословия и даже однобуквия, провозгласив густым басом итог: «Ю!..» (по-церковнославянски: «Её»).

К слову, вскоре, популярность поэмы вынудила сочинить Агапа Кристина «Ю-2». Дословно: «Как я Флюру во зелени флоры, а Фаину в сауне без фауны!». Произведение проиллюстрировал Михель Анджелов, а в полемике на страницах прессы о ней благосклонно отзывались живые классики: Мария Ремаркина, Александр Дюйм, Павел Кол, Апчихов и даже Евнухженко.

О-оо, сколько озарений дивных, дарила Муза, по велению извилин простецких граждан, чьи руки после пары бокалов так жадно тянулись к перу, перо к бумаге.

Не существовало области словесного потребления, куда бы не вторгался ум этих творцов, купающийся в фимиаме тончайших эфиров и энергий, что источало диковенное пиво: «Оргазм с Музой», «Оползень Парнаса», «Лиромузное» и ряд им подобных, уже упомянутых сортов.

БАРМЕНАРИЙ, задумка и пути воплощения.

Бармен Миня Хаузин был главой и душой Пена-Клуба, но это, так сказать, попутно, ибо он руководил Творческим Центром при НИИ-Пиво, патентным бюро, редактировал два журнала «ИзоБРЕДатель-АХИНЕзатор» и «Пиво-Во!», носил высокое звание Академика пивософских наук, титул Бармена. Именно на его плечах лежала основная ноша превращения Райграда в Пивград, Санкт-Пивобург. Последняя его инициатива – создание Альманаха, внушительной книги авторов, проживающих в Райграде, пишущих о нем и его жителях глубоко и талантливо. По его задумке ряд Альманахов может стать летописью превращения Райграда в столицу Пива, летописью о жизни города вообще и Пиве в частности. Бармен был человеком диковенной работоспособности, безоглядно влюбленным в Божественный Напиток, Его Величество Пиво, которому посвятил всю свою жизнь, всего себя без остатка.

Нынче он обратился с личной просьбой к Шпуру, она состояла в том, что он, видя в нем довольно чуткого знатока русского языка, решил предложить ему стать редактором-секретарем в обработке его собираемых вповалку материалов. В течении извечно динамичного дня, Бармен свои озарения успевал только фиксировать на диктофон, на ходу, времени на обработку не хватало, файлов скопилось предостаточно. Как бы они не были сумбурны и хаотичны, сквозь эту мешанину смотрелась четкая арматура незаурядной личности, любознательной и жадной до жизни. В этом Ванек удостоверился с первых же шагов работы. Своеобычие этой личности его очаровывало. Бармен был грубоват, предельно естественен, а потому впитывал услышанное и увиденное без малейшей фильтрации, философское воспарение в этой мозаике дней соседствовало нередко с вульгарным и похабным фольклором, изуродованным до полумата словечком, что он любил едва не меньше Его Величества Пива, родной Пивософии. Ванек, не мудрствуя лукаво, с охотного согласия автора, так и назвал свою работу над данными звукозаписями: «БАРМЕНАРИЙ. Мозаика дней дяди Мини, академика и чернорабочего Пивософии». Отредактированный, посильно систематизированный материал планировалось включить в Альманах.

А еще Бармен не убирал из-под руки фотоаппарата, цифрового, компактного, но обладающего высокими профессиональными качествами. Наряду с аудиофайлами он передал Шпуру флешку, для выбора какого-нибудь удачного кадра. В частности, по его словам, он частенько бывал на Парнасе, где снимал быт и культуру изрядно отмеченного прогрессом поселения муз, лир и пегасов.

Наряду с флешкой фотосъемки Бармен вручил Шпуру и переносной винчестер, где были зафиксированы его грезы, да-да, у Мини Хаузина был даже такой аппарат, сканер глазного дна, исполненный в виде специфических очков, какие фиксировали фантастические картинки его воображения и даже снов.

К неопишуемому восторгу Шпура Бармен Миня Хаузин вручил ему в качестве аванса за грядущую работу такой же сканер и цифровой фотоаппарат.

Вскоре в клубе стало многолюдно, и начался привычный, оживленный и веселый семинар.

Уголок ПЭОЗИИ

Под знаменем этой рубрики в Пена-Клубе трудились многие, суть ее – поиск несуразностей в произведениях самых разных, от классики до собственных черновиков, готовящихся к печати.

– Объектом моего исследования этот раз оказался стих Пастернака «Свеча», – начал член клуба Гордей Кий, подписывающий свои произведения «Гор. Кий». – По-моему, автор ведет речь о двух свечах, той, что горела на столе, и другой, геморроидальной, её вставлению, иначе необъяснимо мельканье сплетенных рук и ног на стенах, исходя из расположения источника света.

– Логично, – похвалил докладчика Бармен Миня Хаузин.

– Минуточку, – сказал критик Нассаллион Беленыемский. – А вы не допускаете, друзья мои, что автор находился под впечатлением посещения тайного тогда собрания хлыстов, где изучалась книга «300 поз японских самураев», так что сплетенные ноги на спине партнера, что проецировало на стену пламя свечи, полное соответствие пронзительному высокому чувству, о каком так талантливо и нежно говорит автор.

– Логично, – похвалил Бармен.

– Не исключается также, – продолжил неистовый Нассаллион, – что пламя свечи отобразило мускулистые ноги любовника, сомкнувшего их умелым приемом дзюдо на горле застывавшего их разъяренного мужа. Не исключается также небольшая физкультурная пауза меж утомительными сеансами простого лобзания с невестой-недотрогой, когда жених стравливал клокотавшие избыточные силенки хождением на руках.

– Многослойное ввиду талантища автора произведение, недаром прибалтийцы развили эти темы настолько, что вынуждены выпускать регулярную газету «Свеча», крутейшее порно.

– И еще, – сказал Гор. Кий, – все мы вполне заслуженно любим песню «Я люблю тебя жизнь», однако это чувство и впрямь нас порой ослепляет, мешает трезво воспринять шероховатость уверения: «...я люблю тебя снова и снова». Определения «снова», «опять», «еще раз» предопределяют некую рваность чувства, полюбил часок-другой, отдохнул, отвлекся на что-то более приятное и снова за любовь, снова и снова, с новья, так сказать. Напрашивается пошлая параллель, общеизвестно, что многие классики слова основные впечатления по части любви черпали в заведениях с красным фонариком, вот там любить и впрямь можно было снова и снова и даже, сообразно толщине кошелька, по соответствующему разряду. Все мы считаем это нормальным, так как привыкли к узаконенному скабрёзному определению – «заниматься любовью», что синоним совокуплению. Все мы любим жизнь, раз и навсегда, со дня рождения и до смертного часа. Другое дело, если поэт дерзнул сравнить жизнь с пылкой куртизанкой, шлюхой, это его право на такую ересь, ему нести ответ в час неминуемый. Однако в контексте, повторяю, замечательной песни это явная язвинка.

– Логично, – похвалил Бармен, одобрили наблюдение и все остальные члены клуба.

– И еще одно соображение, – сказал явно польщенный Гор. Кий. – То и дело в эфире звучит песня «Как упоительны в России вечера». На мой взгляд, и тут наличие поэзии, одновременный вечер на таком огромном пространстве быть не может, где-то вечер, а где-то утро. Другое дело в какой-то из губерний России. С одинаковым успехом в нашем случае тогда можно бы петь, что вечера упоительны на земном шаре, Вселенной...

– Ваша позиция уязвима, – сказал Нассаллион Беленыемский, – метафора в поэзии не есть что-то буквальное. – Мнения разделились, возник легкий спор, но возобладал взгляд Гор. Кия.

– Друзья, – сказал Бармен, – я предлагаю переключиться на собственные произведения, которые заявлены в Альманах. В частности, я бы поговорил о зыбкой границе меж пошлостью и целомудрием в ряде работ наших авторов. Я нарочито не стану пока называть имена и произведения, чтобы сделать обсуждение более беспристрастным и профессиональным. Начинаю-с, господа хорошие!

– *Избранное, из бранного издранное*: Права голубых попираются, у них в попе роются.

– Нормально, пойдет!

– С запашком, ребята! – покривился неистовый Нассаллион.

– Оттуда же. «Впопыхах, да в попы ах!» или «А может вам в рот, мистер ротмистр?»...

– Нормально!

– И тогда он сказал по-англицки, с сильным хохлацким акцентом: «Хиу таби во сираку»...

– Падлой буду, не забуду! – клялся Пабло Неруду беременной любовнице...

– Она едва сводила концы с концами, вертась меж мужем и любовником...

– «Милый, ты то и дело ставишь меня в неловкое положение» – сказала она. «Дура, при людях-то»...

– Они трудились над созданием этого чада, не смыкая глаз и ног, не покладая, в том числе и рук...

– Любка! Давай танец лобка! – закричали все возбужденно...

– Полюция – эволюция овуляции.

– Она так современна, требует, чтобы я входил в нее в калошах, я – продукт босоногого детства?..

– Бартер на автосервисе. Он сделал для ее «Ауди» развал со схождением, а ей самой – развал со вхождением и отвал со снисхождением... – Миня Хаузин зачитал еще с десятков фрагментов, и началось горячее обсуждение, брака оказалось совсем мало, пеноклубовцы тяготели к соленому, крепкому словечку. Больше того, они пришли к общему мнению, что данный рабочий цикл надо вычленить в самостоятельную рубрику «Избранное, из бранного издранное».

Бармен Миня Хаузин сделал также обзор отобранных произведений в жанре афористики, слов-оборотней и слов с начинкой.

– Возможно, и этот раздел в нашем Альманахе займет свое место, – сказал он, – остроумных людей в Райграде пруд пруди. Русский человек всегда был и остаётся словотворцем. С его подачи, язык наш великий и всемогущий легко усваивает любую, так нам истово навязываемую, иностранную парш, усваивает витамином и возвращает владельцам в отредактированном виде, изрядно русифицированным, но узнаваемым: «шпагетти», «марфиози», «брюх-ократ», «адеквакно», «кака-гола»... В лаконичных, но емких побасках, то и дело встречаются ироничные определения, где милиция – «прохрустово ложе», быть вежливым – «распердониваться»...

– Только в наших творческих «каюк-компаниях» можно узнать, что «недокал» и «перекал» не электротермины, а характеристика некоторых людей, что уехать за кордон – «податься»

в презервацию», настучать на ближнего – «сделать аудиенцию с иудиенцией», а в Сухе-Баторе признать бросившего пить Илью Муромца...

– Слово – очень сильное оружие, да что там говорить, порой, даже неосознанное употребление словочетаний, трёп, приводит к трепанации черепа создателя. Я был свидетелем кровавой разборки меж двумя группировками, когда лидер одной из них сказал другому комплимент с небольшим казахским акцентом, что прозвучало буквально так: «Как тебе идёт в очко...». Он имел в виду его превосходные очки, уважал своего коллегу, но схлопотал от него пулю.

– А теперь, Ванек Шпур имеет сообщить нам, что сыскал еще одну жилку фольклора, так что «Альманах Пена-Клуба», скорее всего, пополнится еще одним разделом. Итак!..

– *Новые сказки на старой закваске*, — объявил Ванек. — Подкопил я их методом наглого подслушивания, когда их рассказывала своим внукам Александра Степановна, супруга нашего редакционного водителя. По ее признанию, она не любит повторять избитые затасканные мысли, а потому в каждую сказочку непременно добавляет что-то свое, новенькое, соответственно, кстати, современному ходу вещей. С ее благосклонного разрешения, я записал десятка полтора, чуток причесал и парочку вам сейчас зачитаю.

– *КОЛОБОК* Жили-были дед да баба. Была у них курочка ряба да горстки три муки в ларе. Снесла курочка яичко, и замесила бабка тесто – колобок испекла. Да не простой – озорной. Убежал он от деда с бабушкой, пришлось им в тот вечер чай пить, как всегда, с кашлем вприкуску, с перхоткой внатруску.

– А колобок давай странствовать, от кого только не убегал, но попался-таки на зубок к лисичке-хитрованке. Вспомнил он, чем сказка про него кончается и зажмурился, подумал, что конец его пришёл... Ан-нет, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Колобок-то наш был не простой, и не только озорной, но и вечный. Съела его лисичка раз, съела другой, третий, а ему хоть бы что, даже следа зубов на румяных щеках нет. Нажралась лиса на дармовщинку непотребно, упала набок, подкосились ноженьки от тяжелого брюха, а колобок снова, скок на её зубок, ну, вкуси, мол, милая, ещё разок, эвон я какой сдобный да вкусный. Вкусила жадюга и лопнула.

– И пошло-поехало: волк лопнул, медведь лопнул, воевода, губернатор, царь... Натешился колобок вволю, всех обжор-захребетников навек накормил да и домой к деду с бабушкой воротился. Тешить его стало другое – добро слабым да беззащитным понравилось делать, кому обжорство неведомо. Зажили дед с бабушкой припеваючи, каждый вечер на чай к ним, почитай, вся деревня собиралась.

– *КУРОЧКА-РЯБА* Жили-были дед да баба, была у них курочка-ряба. Снесла как-то яичко, да какое! Дед бил-бил – не разбил. Баба била – не разбила. Столкнула со стола хвостиком мышка, упало, не разбилось. Бил молотом зятьёк-кузнец – бесполезно. Наезжал гусеницей внук тракторист – хоть бы хны. Ронял лётчик из-за тучки на камушки – только искры летели. Расстрелял танкист из пушки – ни царапинки...

– Присела на яичко курочка-ряба да высидела дочку-пеструшку. Как она рожалась, вся деревня разбежалась – треск шёл от скорлупки непомерный, а потом взорвалось яичко, насадку сквозь потолок-крышу на тучку пенистую закинуло. Зато дочка-несушка удалась на славу, на дню до сотни яичек несёт. Да непростые, титановые, из них панцирь для спутников отливают. Не верите, тогда гляньте на небушко, видите, звёздочка летит? Курочкина работа. Понравилась сказка? С вас на бражку закваска, на пиво ячменя, рака вкусная клешня и тенистое для дремы местечко у плетня».

– Друзья мои, – сказал Бармен Миня Хаузин, – помимо сказок, я планирую включить в альманах повесть «Про уроды и прочих». Рукопись дневникового характера мне передал один священник весьма удаленного отсюда городка, это исповедь человека, когда-то, по молодости, содеявшего немало зла, но искренне раскаявшегося. Стержнем сюжета проходит противосто-

яние двух уродов: физического, горбуна, и урода интеллектуального, умного и красивого под-
леца.

– В повести уйма приключений и хохм, – причем, все они прописаны настолько живо и образно, что при доводке рукописи я все больше определяю ее жанр как готовый киносценарий. Повесть будет щедро иллюстрирована, художник ведет работу.

– А пока возьмите распечатки подборки сказок, что принес Ванек, почитайте, вникните обстоятельнее, я с нетерпением буду ждать ваших мнений и замечаний...

– Господа, в наш альманах уже целится даже роман, – сказал Миня Хаузин, – заявка из серьезных, человек работал над вещью без малого десять лет. Он работник системы профтехобразования, любит свою шальную пацанву, накопил уйму типажей, анекдотов из этой веселенькой жизни, назвал роман «Бурситет», вещь имеет сходство с «Педагогической поэмой», «Республикой ШКИД» и очерками бursы Помяловского.

Журнал «Пиво-Во!», призыв к сотрудничеству.

– Обращаюсь к вам, коллеги, в который раз с призывом сотрудничать в журнале «Пиво-Во!», придумывать ему новые рубрики, конкурсы, предоставлять законченные вещи, памятуя, что журнал этот рекламно-развлекательный. Активнее, активнее, господа, я ведь плачу приличные гонорары, это может подтвердить Ванек Шпур, один из наших активных авторов-редакторов и фотографов. Вот он и опять готовится исторгнуть на эту тему как всегда нечто свежее и оригинальное.

– Ах, уйди-ка, бес сомнения, чтоб сказать суть без сомнения... – пропел Ванек и начал, изредка подглядывая в «запхкнижку», как он называл свой рабочий блокнот.

– Предлагаю объявить конкурс красоты «Ах, роди, ты, в себе Афродиту!».

– Недурно, богиня любви и красоты, возникшая из морской пены. Пены пива! Его дитя! Наше дитя! Ваше дитя! – Миня Хаузин потер руки.

– Однако это не шаблон подобных конкурсов красоты, где основным определяющим фактором является картинка идеальных лица и тела. Требования к нашим потенциальным лауреатам будут куда обширнее, они должны будут обнаружить в себе грациозность, что не скрыть никакими статьями, самоиронией и оптимизм, оригинальность и даже экстравагантность, доброту и любовь к окружающим, обаяние, своеобразие и многое другое, что может вывести в победители не столь уж и писаную красавицу, немолодую, даже пенсионерку, потому как истиной красоте неведом возраст. Немаловажным будет и отношение соискательницы к Его Величеству Пиву. Для пробуждения индивидуальной творческой активности я разработал обширнейший вопросник, где будут затрагиваться самые нежные полутона мирской и духовной жизни соискательниц... – Закипело обсуждение условий конкурса, Ванек зачитывал вопросник, кое-какие нюансы подвигали тот или иной вопрос на еще более полное развитие, рождали новую тему. В частности, решили объявить конкурс красоты и для мужиков, первоначальное «В полоне Апполона», после дискуссии обрело более смешливый оттенок «Мистер Абаллон».

Забегая вперед, мы скажем, что пенеклубовцы даже не ожидали какую волну обратной связи они вызовут, редакцию журнала буквально захлестнуло почтой с собственными изображениями и письмами-исповедями от представителей обоих полов.

Член клуба Санёк Трихоманатов предложил рубрику «С бодуна», ибо, как ни крути, а мукам похмелья, неумеренного пьянства подвержены еще очень многие райгорожане. Явно, что наработан опыт, типа бывших алкоголиков, каким надо публично делиться, кооперироваться в борьбе с пороком, лучшей трибуны, чем журнал «Пиво-Во!» не придумать. Ребята разоткровенничались и оказалось, что многие по этому поводу самобичуются в дневниках своих нещадно, Ванек смолчал, но покраснел изрядно, укоряя себя за робость, желание выглядеть почище, ибо стонал на бумагу в такие страшные минуты тоже не раз.

Другой пеноклубовец, Аммиак Закопьян предложил рубрику «Стань факиром», суть предложения состояла в том, чтобы из показа фокуса, удобного для проведения в условиях бара, можно было организовывать яркое театральное действо, хохму, розыгрыш, пари. Демонстрация Аммиаком нескольких фокусов с бутылками, пробками, спичками и монетами вызвали у всех неподдельный интерес, при этом фокусы были очень просты в исполнении. Без сомнения, заключил Бармен, что вооруженный этими находками читатель журнала гарантировал себе на денек-другой центр внимания в родном баре.

Ванек мысленно подсадовал из ревности, что эта идея изошла не от него, ибо давным-давно в нем вызрела. В его весьма приличной библиотеке энциклопедий, афористики и фольклора немалое место занимала и эта тема. В этот мир приземленных чудес он был безоглядно влюблен и нередко подумывал не без предательского озноба, страха перед Словом, о безоглядном нырке в этот сладкий омут, полного посвящения себя этому делу. Ему нравился этот сплав творчества и волшебного рукоделия, воплощения того или иного замысла в очаровательную сиюминутную иллюзию, сказку, неподдельное восхищение обманутых зрителей. Но именно эта сиюминутность восхищения и помогала ему в минуты предательских сомнений – а-аа, сволота тщеславная, сусальной позолоты хотца, в лицедеи целишь, дешевка! И все становилось на свои места, пелена с глаз падала, магия и чародейство занимали свою законную нишу, прилеплялись у подножия необозримой глыбищи, заоблачного пика, божественнейшего и сладчайшего из ремесел, к каким относится настоящее творчество.

Ванек бесповоротно решил, что в грядущем частном издательском бизнесе он обязательно наладит выпуск оригинального развлекательного журнала, где будут живописаться единенные общим оригинальным сюжетом специфические подборки нужных фокусов, физических и химических опытов, простых, но эффектных. И главное, параллельно с этим будут выпускаться волшебные наборы, реквизит, который помогал бы без усилия воплощать мечту в явь. Больше того, у него уже существовал приличный список зарубежных фирм, специализирующихся на выпуске реквизитов ко многим фокусам. Отталкиваясь от имеющегося производства, он уже плел арматуру сюжетов с использованием многих бытовых интерьеров для разных аудиторий, что уже, по сути, доступный всем домашний театр. Ну а в пивбарах-то все это вершить, развлекаться, сам Бог велел.

Когда Ванек читал описание того или иного фокуса, разучивал его, неизменно, в голове вспыхивали ряд озарений, взломанная и отредактированная заново механика фокуса становилась неузнаваемой, новой. Так, к примеру, он придумал как-то

ФОКУС УСТРАШЕНИЯ, который его даже один раз выручил. Случилось ему однажды коротать время на вокзале небольшой станции. Вскоре, на него навели резкость местные рыцари легкой наживы. Отвязаться от них можно было проще, воззвать к милиционеру, кто, как успел заметить Ванек, безвылазно сидел у кассирши, вел не без успеха ее осаду, но он решил проверить устрашающую заготовку. Его не без артистичности, что основа конспирации, упаковали с флангов и фронта и вежливо предложили сделать взнос на строящийся мавзолей ихнему товарищу, погибшему в неравной схватке с кремлевской коррупцией. Ванек достал из кармана горсть мелочи и выудил самую крупную монету, пятирублевик, подкинул его несколько раз, ударил об стенку, заставив характерно зазвенеть, после чего медленно вытянул руку, пристально вглядываясь в ущемленную тремя пальцами монету, чуть сморщился, что присуще усилию, потуге. Монета в пальцах медленно согнулась под прямым углом, Ванек перехватил ее все также в пальцах и дождал до смыкания половинок, поднес ко рту, обдул звучно, еще пару раз подкинул и протянул артистам. У тех удлинились лица, долго и безуспешно они пытались разогнуть монету, затем не без уважения раскланялись и удалились довольные необычным сувениром. Фокус в арсенале иллюзионистов относился бы к простым – двойная подмена монеты, на копию из свинца и на заранее согнутую...

А Бармен Миня Хаузин восхищенно потирал руки, пять новых рубрик за один подход, творческая плодовитость клуба его всегда восхищала, никаких тебе комплексов и стереотипов. Домой пеноклубцы расходились только после неоднократных окриков уборщицы, кому надо было засветло навести порядок в помещении.

Дед Мокей, Великий Кучер

Ванек и Куян жили в одном микрорайоне «Полтавка», за квартал друг от друга. С Полтавки, казачьей станицы, Райград когда-то и начинался. Поставят наши друзья машину в гараж и по пути непременно присядут на лавочку к деду Мокею, кому внучкой приходится Пр-ревышевсего. Деду 103 года, но странный субъект, время где-то в области его шестого десятка словно забыло о нем, перестало усушать и гнуть, что повально проделывало с прочими. Всю жизнь он, безоглядно влюбленный в лошадей, проходил в кучерах. Мокей считал это за удачу в жизни, ибо бесповоротно знал, что спокойно и безмятежно жить в этом суматошном мире может только мудрый лакей болвана.

Рослого, статного и по сей день стройного казака наперебой зазывали к себе тщеславные чиновники, что выезд им гарантировало весьма внушительный.

Многих суетных, бурлящих энергией начальников возил дед Мокей, все они давным-давно успокоились и прописались во цвете лет на погосте. Быстро робить, уродов родить, любил приговаривать Мокей на желание иных из них перевести экипаж в галоп. И на его слушание никто, как правило, не гневался, уж очень внушителен был кучер, академик узды-вожжи да и только.

Его кучерство помогло ему при рассказывании, своевременно ушел в Китай, при раскулачивании, когда он, ошарашив станичников, пришел и добровольно сдал вечно алчному отечеству «излишки» скота, кобылу с жеребенком-сиголетком и корову, оставив себе трехмесячную телочку и дойную козу. А через неделю заработали чудовищные жернова репрессий, костяк самых толковых и работающих казаков сгинули в необъятной тайге Зауралья и Сибири, успокоились в братских могилах «стройки века» Магнитки.

А кучера Мокея оставили даже в своем доме, какие казаки понастроили себе крепкие, добротные. Они и до перестройки дожили под вывесками всех основных казенных помещений в Райграде, многие успешно приватизированы и обратились в бойкие лавки, но никому из потомков владельцев даже в голову не приходит подать голос в защиту собственных прав. Хотя можно. Не надо, в крови у них датчик есть неусыпный, дедами взращенный, кто диктует, не высовывайся, придурок, подравняют, изотрут в пыль, с жерновов упомянутых еще досе, мол, наша костная мука не выветрилась. Так и косят посильно, если умишком чуток подхарчились, под дурачков и кучеров, кем вовремя деды не прикинулись, к обочине жмутся, а мимо экипажи один роскошнее другого, быстрые-быстрые, в галоп, в галоп, глаз не успевает фиксировать. А жернова, знай себе, поскрипывают неустанно, работы у них всегда невпроворот.

Куян доложил деду Мокею обстановку с пивоконверсией.

– Знатный заворот, – хекал старик, чиркая на земле клюкой ему одному понятные знаки, – оно всегда так было, кто проворнее, тот и довольнее. Мягко уж очень стелют ребятки, а ведь они из тех, кто топора на свои руки не уронит. Опять торопышность в себе обнаруживаем, судороги, разве так обстоятельность в деле придет, в рывках да шараханиях нет места крепкому обмозгованию. Снова мы рябее суслика, голосистее сверчка, а в карман хвать, там опять в горсти дыра. Все мы ждем чужую догадку, а с нею денег кадку. Торопышность, на мое разумение, ребятки, уловка лукавых да скудоумных, пока они мельтешат, их не разглядишь, шум, гам, тарарам. А ухвати его за шкварник, останови для пристального рассмотрения, и ахнешь, и этот нетопырь нас в узде водит?! Сколь времен да царей с их свитами на Руси не меняется, а самый наисвятейший промысел остается прежним – дери с народа три шкуры, да распинай погромче, что четвертую не дает.

Метров за шестьдесят от дома Ванька как всегда встретил Рома, кот трехшерстного полосатого окраса, взбежал по спущенной руке, стал прохаживаться с плеча на плечо, щекоча мехом щеки, ноготками покалывал умеренно, что выпускались по блаженству. Во дворе заскакал Буян, взбrehивая и прискуливая, в предвкушении прогулки. Мать, выставя ужин, упрекнула за позднюю явку. Прибежал дружок, Данилка, соседский мальчишка, отрапортовал об исполненном задании. Ванек доверял ему довольно часто изготовление приветственных адресов, портретов, макетов печатей-штампов... Укажет вариант текстовой части, вид рамки-виньетки, и Данилка играючи монтирует-ретуширует на компьютере нужное, делает распечатку на принтере, ламинирует-фольгирует картинку. Восторгу мальчишки нет границ, мало кто из его сверстников в двенадцать лет к столь серьезному делу прислонился, к тому же Ванек под эту сурдинку подсовывал ему обновки за помощь, то кроссовки, то курточку, следил, что из гардероба пацанчика совсем уж ветшало, подкармливал регулярно, ибо Данилка безотцовщина, в семье уже пятый, а мама все серьезнее и серьезнее пьет, не до воспитания. Пятерых же наражала с расчетом на хорошее соцпособие, какое исправно получала и пропивала.

Во дворе у Шпура баскетбольный щит, побросали мяч с Данилкой немного и пошли за компьютер, работы всегда хватало. Буян притягивал обиженно, прогулка явно отменялась.

Ванек усадил за компьютер Данилку, подкопились заказы, тот стал сканировать и ретушировать фотографии, большей частью, старые и потрескавшиеся, маленькие, нечеткие, работу в графическом редакторе «Фотошоп» он освоил весьма прилично, точки, царапины удалял умело, усиливал контрастность, выделял-прорисовывал кое-какие детали. Увеличенные, тонированные или переведенные в полный цвет портреты, заключенные в рамки, приносили уже третий год стабильный неплохой приработок.

Сам Ванек уселся за прослушивание диктофонных кассет Бармена Мини Хаузина, черновую запись на бумагу. Затем он окончательно отшлифовывал записанное при наборе в компьютер. В деловой тишине они могли сидеть с Данилкой часами, каждый упоенно занимался своим делом, не мешал друг другу.

В другой комнате чуть громче обычного звучало радио, отвлекало, и Ванек пошел выключить его, но не выключил, ахнул и заслушался отрешенно.

Влюбился он в эту песню уже давно, незатейливую с виду, но от какой почему-то покрывался ознобом и подмокал глазами. «Виии-итенька, мой милый Витенька...», пела припев Оксана Бабаян, и сердце его сладко подплывало... эта интонация – меткий нож, какой вскрывал неотразимо капсулу в далеком углу его души, спекшийся комок несостоявшегося, ампутированного, вырванного с корнем. «Ви-итенька!», слышал он уже лет шесть, где-то раз в год, случайно, и одинаково стискивал зубы и прятал мокреющие глаза, если на людях. «Ва-анечка, мой милый Ванечка...» – да-а, было это и у него, это запредельно сладкое, взаимное, но почему-то корявое и рваное, импульсивное, быстротечное, ненормальное, больше болезное.

«Ви-иитенька...», зовет теперь она, частица его души, из быстро отдаляющегося прошлого голосом певицы, и он все также отзывается безоглядно, моментально, весь до молекулы навстречу сверхжеланному зову, но спохватывается и грустно поглаживает вмиг засаднившее сердце. Что, милая? Куда зовешь? Мы никуда и никогда друг от друга не уходили и не уйдем, хоть и возомнили по человеческой глупости, что телесное забвение определяет духовное. Мы вместе даже против своей жалкой воли, вместе, в драгоценной клетке какую нам так щедро подарил Всемогуший.

А может этот ход и есть самый лучший, по его же воле. В этой клетке мы все также радуем глаза друг другу вечной молодостью и нетленной искренней нежностью. Года тут стали неподвластны. Изредка ты приходишь во сне, кой-когда окликнешь из этой вот песни чужим именем, из конспирации, чтоб не навредить. Нам хватит и этого. Напоминания, что это было, есть и будет. И, слава Богу!

Ванек выключил радио и, усаживаясь за стол, покосился на Данилку, тот отрешенно сопел, старательно возя мышкой по коврику. Ничего не заметил, не заподозрил его в слабости, и отлично. Перед тем, как жена уехала с сыном, ему приснился дикий сон, по всему, вещий, который по сей день четко, неотвязно стоит у него перед глазами. Будто шел он вместе со своей крохой по зимнему Райграду, прогуливались с ним празднично, весело болтали, радовались солнышку, чистоте снега и легкому морозцу. Расшалились, и Ванек стал кружить сынулю вокруг себя, карусель делал к его неописуемому восторгу. И вдруг, он оскользнулся и в падении разжал руки и... о, Господи! Ванек отвернулся от Данилки, ибо глаза застлали слезы, а под сердце всплыла мрачная и тоскливая туча. При взгляде со стороны в тот чудовищный миг, он, как и все, видел, как зашвырнул сына с обочины на середину проезжей части дороги, под мчащийся навстречу автобус, зашвырнул, а сам отлетел в противоположную сторону. Всемогуший пощадил его, и сон прервался именно этим мигом, его воплем отчаяния и боли, не показал того, чего он бы вообще не выдержал.

А вскоре, любимый, его страстно любящий сынулька уехал с матерью, пропал, исчез из его жизни в далеких-далеких краях. А жуткий сон не тускнел в памяти, заглядывал частенько и палачески сладострастно смаковал его неизменное страдание, боль вскрывающей раны...

Ну, довольно, прикрикнул на себя Ванек мысленно, рассопливился ты что-то ноне, парниша, не на шутку, это ни к чему, это надумано, это услада бесу. Терпение и труд все перетрут.

На некоторое время они с Данилкой увлеклись просмотром файлов фотоаппарата и сканера Бармена Мини Хаузина, пробовали сканер на себе. Занятие это им показалось увлекательнейшим, фиксируемые картинки могли поспорить в фантазии с самыми изобретательными художниками, ошеломляли выдумкой и находки Бармена. Но надо было вершить и черновую работу, и Ванек принялся за разборку диктофонных наговоров Мини Хаузина

Записи эти обрабатывать было одно удовольствие, мужик он оказался любознательный и нестандартный. То и дело Ванек широко улыбался его находкам и восхищенно качал головой – родственная душа, творец и жадный жизнелюбец.

«БАРМЕНАРИЙ», озаглавил Ванек спецтетрадь и начал запись. Казалось бы, хаотичная мозаика, сумбур исковерканных словечек, жаргон, пестрое лоскутное одеяло своих и чужих мыслей, а из ткущегося полотна неодолимо пёр сам Бармен, колоритный неунывайка и хохмач, серьезный и степенный академик, мужчина неопределенного возраста, мудрец и философ, авантюрист и степенный апостол Дела, которому положил всю свою жизнь. Итак, его первая небольшая подборка, какими мы станем заканчивать каждую из глав.

«Анатомия Анатолия.

Хвала тебе халва волхвов мудрости.

Оналолизация – сестра канализации.

Ори сто крат, аристократ.

Ба! Авария! В брызги пива пузырь «Бавария».

Ему 50, он – полуровесник веку.

«Поносить» (ударение на втором «о») недаром совпадает с «поносить» (ударение на «и»).

Странная конструкция слова «разочарование», само отрицательное, а составляющие положительные. Получается, что один раз очаруешься и враз, разочаруешься.

Как упоительно затворнику читать другого затворника.

А над родиной снова выюга черных энергий.

Четкая цель, вера – арматура души, без которой душа начинает неуклонно разрыхляться и расплзаться тестом в чужие, пагубные формы.

Фи, враль какой, этот февраль, вместо морозов слякоть.

Бойся человека человек!

Человеку в мире самый страшный враг – человек. Посмотрите на горы зла и страданий, какие приходится во все времена преодолевать человеку от человека. И все под гордый аккомпанемент уверений, что он подобен при этом Богу, Творец. Неисчислимые миллиарды жизней других детей Творца вспыхивают и гаснут рядом с человеком по великой формуле Естества. Прimitивы, определяет все это человек уверенно, ведь они ничего не создают, потребляют тупо, что им дали. Убожества, презрительно клеймит он их из тесной клетки мирка своих куцых познаний. Кстати, «убожество», какое красивое и емкое определение – близ Бога, и так людьми полярно опошлено.

А что создает человек? Есть ли за всю историю человечества пример, который продемонстрировал бы нам некое усовершенствование Естества?

Как бр-рр в этих месяцах: октябrr, ноябrr, декабrrrr...

Крылья Советов, крылья той же Думы, собрания немолодых людей. Как не мозговал, приставить к ним крылья не смог.

Золотарочка ты моя! Комплимент или ругательство?

Эту точку зрения надо оттаивать и отстаивать.

Поразительно паразитное бытие.

Машеловка – бабник.

Мишеловка – потаскуха.

О прелести опрелости.

От дельных отдельных товарищей.

Остеречь уши бы на ушибы от мата.

Эта обрученная, совсем обреченная.

Норкоманша – любительница мехов.

Виртуально-ритуальное агентство в интернете.

«Кадык-экспресс» – пивбар при «Кодак-экспрессе».

Мудальон.

Мудаизм.

Дефектоскоп – психдом.

Бутик «Тубик», аптека при тюрьме.

Жених у нее джипястый, квартирастый.

Силу эту «Силуэту».

Снять позумент, встать в позу, мент!

Жил-был кинокороль Вуд. Все гадали, гол ли Вуд? Так и пошло – Голливуд.

Русские имена сплошные признания: тол – я, кол – я, кат – я, наст – я...

Негаполис – парилка.

Люди – гнойник на теле Естества.

Рядом с нами земной рай, в нем, в безоглядной гармонии Естества, пребывают животные, растения, да-да, они, не мы с нашим интеллектом. Разум же нас ведет больше в противоположную сторону, к досрочному самоуничтожению.

Скажите, что свадебные пляски, песни жаворонка и соловья – признаки радости и избытка сил, у них чувствуется иначе. Слабее? Да ничуть. По мне, так наделение нас людей разумом, обликом по своему подобию не совсем удачный эксперимент Всемогущего. Разум противопоставлен стае, толпе, разум – удел богов, субъектов-затворников, здесь он надежно управляется ремнями привода Гармонии и Смысла. А нас, толпу, разум никак не совершенствует, мы, топчась на одном месте, даже пятимся назад, звереем, все наши достижения в покорении материи, открытия, исправно и продуктивно используется во зло, на его потребу.

Мы, человечество, явный вопиющий гнойник на здоровом теле Естества, у гнойника одно будущее, он самопроизвольно присохнет, не оставив и шрамика, следа всех наших «дости-

жений». Молекулы, участвующие в нашем создании, переориентируются и успешно войдут в иные более органичные формы жизни.

Хотя, не исключая, что вся эта человеческая каша – варево, в котором кристаллизуются боги, жесткий отбор и выбраковка Судом Великим единиц из миллиардов для пополнения кабинета Всемогущего.

Вот вам и буза эта обуза из-за арбуза.

Если дети говорят с вами сквозь зубы, прореживайте кулаком их чаще, больше приятного позже услышите.

Утоли у Толи печали.

Фрагмент из гимна шлюх: «Нам фаллос строить и жить помогает».

Его нашли по отпечаткам губ на заднице шефа.

Героиня – наркоманша.

Дважды мать-героиня, первый раз за роды в 11 лет.

Она говорила, страстно заламывая руки, кусая и выкручивая пальцы, но мертвецки пьяный муж на эту пытку не реагировал.

Название улицы по мере ветшания ее вывески – улица Пушкина, Пушки, ушки, кина, Пукина, Пука...

На вокзале царил поэтический климат, мужья встречали жен с юга, в глазах их можно было прочесть есенинские строки: «Истаскали тебя, измызгали, невтерпеж, что ты смотришь синими брызгами или в морду хошь?».

Настырная реклама прокладок и уверения, что у нас все сухо, привели к засухе в Восточно-Сибирской низменности.

Какой мастер-батыр этот мастурбатор.

Рядом с «Черным квадратом» Малевича надо вешать такой же, но с надписью «Автопортрет».

Где рубля насыщенность, там лица напыщенность.

Интердевочку хошь? Интер? Нет.

Печка «Самсунг» от русского «сам сунь-ка».

Макулатура про мускулатуру.

Филиал оружейного музея «Музей фузей».

Дуршлаг – аншлаг дуры.

Детей, как и слова, надо пестовать и склонять, сострадательно, повелительно, ласкательно.

Да будет у тебя «Ниссан», ни ссы.

Полюбила Оналпещера соседа, стройного юношу Фаллоса. Неразделенная любовь.

Чтобы хоть как-то стряхнуть с себя властный зов природы к размножению, он понес утром кота на кастрацию.

Реклама лекарств столь могуча, что жить неохота.

Кот запросто обходится без самки годами, вот бы и нам научиться лизать яйца.

Убойное пиво «Два пшика», сам видел фольклор этой дури – на кружку любого пива два пшика из баллончика с дихлофосом, и копыта врозь.

Если парень в горах не ах, положи на него.

Все от избыточного ума, что через прямую кишку давит.

Родное гнездышко, им могут стать многие из мест, где тебе, волею судьбы, придется жить долго. Мы зовем это привычкой. Отчасти это так, только сюда уместно добавить и намоленность стен вашим духом, омагничивание вами данного пространства. И когда вы, порой, сникаете, опадаете духом, эти светлые силы приходят к вам на помощь, посилено оздоравливают, выравнивают зазубринку возникшей страсти. Нарращивают уют и притягательность «гнездышки» также вкупе с амулетами, вещами и орудиями труда, кочующими с вами, ваши

верные и неизменные товарищи, старенький компьютер, письменный стол, книги... Уголок свой-свой-свой должен быть у каждого человека, пусть даже совсем крохотный чуланчик или кухонка. Он, этот уголок, будет потворствовать более частому уединению, что на самом деле честный диалог с Высшим Соглядатаем, неизбежное с этим посильное очищение, приход желанной безмятежности.

Говоря об этом, вспомнил свою любимый стих Омара Хайяма, ставший его пожизненным девизом, гимном, так как он даже придумал к нему музыку и распевал при первом удобном случае:

«Если есть у тебя для жилья закуток,
В наше подлое время, и хлеба кусок,
Если ты не кому ни слуга, ни хозяин,
Счастлив ты и воистину духом высок».

Хуик-уэнд.

Братан-Бич.

Новая русская рулетка: вынимаешь один патрон из барабана, даешь связанному крутнуть его языком, приставляешь к его виску и жмешь курок. Если с десяти раз выстрела не последовало, пленник свободен.

Бордель Нью-Питер.

Демократично это не демохристично, и демокритично, а демокрахтично, кряктично и храпично...

Помощница – Адью-Таня.

Его либидо – сплошное либлядо.

Капитулина, слабая женщина.

Мышкара заела.

Поразительная искренность при рассказе о близких.

Рта не открыть, мухи без тормозов летают.

Снизошла осанна, приосанился.

Писатель, писсуарий мыслей свежих.

Утиные яйца кукарекнули.

Сквозь морозное стекло зелень, звучит песня «Скоро осень».

Пьянка – явление общенациональное, поутру любой славянин – монгол, очи в строчку.

Хам на хаме в этом храме.

Заделал подянку, отведя её на полянку.

Готов к худшему? Хорошее врасплох не застанет.

Уйти выше с радостью. По всему, возраст нам отмерен не физиологией, а зрелостью духа и уровнем интеллекта. К 70—90 годам нормальный человек должен утомиться командировкой в эту бестолковую жизнь, созреть для понимания, услышать в себе такие позывные, что тончайшими нюансами присутствуют в нашей жизни. Мудрец зачатки рая должен вкусить уже на земле, обмозговать это и уйти бестрепетно, радостно, нисколько не тщаь о продлении жизни в этом облике.

Глава вторая

– Летучка, коллеги: Галя Матья, Лиза Блюдова, их ошибки – Патентное бюро «ИЗОБРЕДатель- АХИНЕзатор» – Яйца-скульптуры – Фанаты- глисты – Сенокосные бабульки – Старики-буравы – Бронированные яйца —Феномен Драчело Менструяни Херъотина страшнее гильотины – Барменарий —

Рутинный недельный анализ работы редакции, летучка. Выступили плановые докладчики: заместитель редактора, Галя Матья; глава агроотдела Лиза Блюдова, корреспондентка отдела культуры Соня Жабапсинова. Лепетунько метал громы и молнии на новые ляпы и опечатки в минувших номерах. Так вместо «кулинария» было набрано с матершинным акцентом «хулинария», надо «омутнение русского языка», прошло – «омуднение», при использовании программы распознавания текста компьютер из «Родина» сделал «Р-1-а» и никто при вычитке распечаток этого не заметил, а это в речи мэра, скандалец был по этому поводу знатный. В очерке Лизы Блюдовой о видной депутатке очень преклонных лет, во фрагменте «... она была навсегда цепка в своем призвании», прошло «целка», тоже был шум до небес, ехидные улыбки, ибо у старушенции была масса внуков, а один тоже ходил в депутатах.

Лепетунько заламывал руки, ожесточенно массировал плешь и взывал умоляюще к бдительности, так как любой из подобных промахов грозил ему в наше демократическое время не только увольнением, но и судом.

– Но вы посмотрите, товарищи, какие кругом таятся мины. Ведь пишет вот Жабапсинова о самодеятельной артистке, вокалистке Клавдии Кардиналовой, что она, мол, замечательный человек, что помимо художественной самодеятельности на ее хрупких плечах семья, основная непростая работа осмотрщицы вагонов. Но «вокалистка» у Сони превращается в «бокалистку». Какой чудовищный подтекст, увлекается, мол, спиртным. Ладно еще это вагонница, рядовой работник, а случись какой-нибудь руководитель... Оскорбление чистой воды...

Буйное воображение Лепетунько заменило вагонницу на личность областного калибра, и лицо его пошло красными пятнами, плешь покрылась испариной, он одеревенел и умолк на добрую минуту.

Ванек сторонился Жабапсиновой, как-то раз он, без задней мысли, но совсем неудачно, пошутил, что, мол, ее именем называют улицы по всему Уралу, и впрямь, улица Сони только Кривой была и в Райграде. По одной из легенд, исшедшей из среды казачества, шустрая на передок Сонька окривела совсем рано, лет в шестнадцать, приложился какой-то клиент за низкое качество работы. Затем она в тесном строю своего сословия шагнула в революцию. Располовинил ее совсем нечаянно под каким-то комиссаром легендарный рубака калмык Упсуй, кто мог рассечь одним ударом всадника с конем, с конё-оом, а тут Сонька-пигалица случилась при случае. Хоронили революционерку со всеми почестями, но, по казачьей версии, в гробе лежала только половинка Соньки, верхняя, нижнюю не могли отодрать от страстного комиссара. Такое медицина констатирует часто, склещивание может произойти даже при незначительном испуге, ведь не раз, под простынькой, выводила «скорая помощь» таких влюбленных, как сиамских близнецов, из общественных туалетов, тамбуров вагонов, снимала с чердаков. В нашем случае партнерам тоже, по всему, было трудно избежать испуга, и упсуйская пашка привела их за секунду до кончины к *сиамизму*. Оскорбительная параллель – «кривая»,

по разумению Жабасиновой, просто вопияла, стоило только заглянуть к ней под всегдашнюю макси-юбку и узреть седловидные ножки, какие после тысячелетий верховой жизни предков-кочевников так еще до конца и не выпрямились. С тех пор коллега, не таясь, ему мстила, а с его легкой руки, за глаза, ее стали кликать «Сонька Кривая Ножка», что как-то перекликалось с еще более легендарным именем «Сонька Золотая Ручка». А еще он достаточно скептически относился к писанине Соньки в газете, называл продукцией фирмы «Панасоник», точнее, «Понос Соньки».

По определению Лепетунько, литсотрудник Шпур был неук, так как не имел ни одной бумажки, подтверждающей какое-то законченное образование. Было «недомучанное» высшее – он бросил политех в начале четвертого курса, учился заочно почти два года в Литинституте, бросил. Издал небольшую книжку стихов, но и к поэзии неожиданно охладел. По всем параметрам Ванек считал себя за прекрасную заготовку кинорежиссера, ибо мыслил исключительно визуальными образами и без усталости придумывал трюки, эпизоды. Безоглядно любил афористику и фотографию, прилично познал компьютер, больше по части графической редакции. Редактора Шпур удовлетворял в главном – не конкурент на кресло, как по документам, так и по его собственному желанию, уж очень ценил свободу, а с ней и настоящее творчество. К тому же Ванек почти не делал ошибок, прекрасно гнал строку и фотокартинки, при этом не требовал к себе никакого внимания, был абсолютно автономен, писал дома, в редакцию приносил готовый материал на дискете.

По окончании летучки под локоток его ухватила Галя Матья, по образованию она – воспитатель детского сада, основной поставщик ляпов в газету, но она родственник кого надо, и потому у Лепетунько извечная тоска по этой части, это был конкурент, фаворит, и Галя Матья этого не скрывала, чувствовала себя уверенно и комфортно.

– Ванюшка, золотце мое, – она притворила дверь своего кабинета поплотнее, – надо матерьяльчик стругануть позанозистее, поэпатажнее, чтоб читателя ошарашить, а то тираж что-то усыхает...

– Что-нибудь путное путанное из жизни путаны?

– О-оо, умничка, отмочи, что-нибудь типа того хохм-репортажа «Грудемес из Гудермеса», про импотента-соблазнителя.

– Я предвкушал, яхонтовая моя, подобную заявку давно, есть кой-какие заготовки...

– Например! – Галя Матья в предвкушении несомненного лакомства потерла ладошки.

– Например: Исповедь перно-звезды Мандонны из-под дрист-жофея Пурген-Заде... Или, Монологи Мадам Вошки, автор, Дарья Усралова. Дошлая журналистка, утомив читателя и устав сама от гинекологических откровений кому, когда, где и как давала, обрела способность обращаться в ползучее, кровососущее насекомое, жительницу лобковых зарослей и поставляет теперь компромат на пригревшую ее особь, ну очень-очень знаменитую и процветающую...

– Не на Иришу Хукомнадо?... Недурно! Мадам Вошка! Мандавошка! – Галя Матья рассмеелась. – Ну, ты Ванька и шельма... – Ванек ей нравился с поры, когда еще учились в параллельных классах, но, увы, пути их давно разошлись. Как-то раз, после праздничной пьянки, они нечаянно оказались в одной постели, но это не изменило уровня их дружеских отношений, все пошло по-прежнему. – Слушай, Ванюш, придумай заголовки дуплетные свои фирменные, позабористее, вот к этой паре материалов.

– Самое забористое слово на две трети из латыни, а остальная буква «й», – пошутил Ванек и вчитался минут на пять в распечатки. Поправил кое-что карандашом и написал на одном: «Напущение напыщения», в другом материале исправил рубрику «Из зала суда» на «Оглушение оглашением».

– А заголовок пойдет, неплохой, хотя попробуй «Суд ушел. Сесть!»... Я побег, Галинка, – приобнял и чмокнул в щеку шаловливо, – что всегда симптоматично, мне ты дюже симпатична, покедова, дружок... Прошвыр у нас ноне с Куяном презанятный...

- От Советского Информбюро!..– забасил Ванек, открывая дверь гаража.
- Да не сплю, не сплю, мудилка, – сел на кушетке Куян, – так просто, прилег чуточки, что-то спина загудела, – но позевнул шельма пресладко и потянулся с выщелками.
- Расчехлять ключик на пятнадцать?
- А не тряхнуть ли нам стариной?..
- Ум-мм! – застонали синхронно, опустошая стаканы с пузырчатой.
- Нектар, бальза-ам, аа-амбра!
- Ляпота-аа!
- Не-е, дядь Миш, надо патентовать напиток, уж очень своеобразен.
- Все дело в дрожжах! – поднял палец Куян нравоучительно, – на родовом хмелю, Степановна жизнь положила, чтобы это постигнуть.
- Не хуже шампанского играет, а пьется-то как легко, а ведь крепостью градусов шесть-восемь, не больше, да, дядь Миш?
- Околь того...
- А она не ворожит при изготовлении закваски Степановна-то твоя?
- Она, Ванятка, надо всем ворожит, что для меня да детей-внуков делает, обмаливает, обласкивает руками своими волшебными, глазами и голосом. У нее руки, не поверишь, хворобу любую из меня вытягивают, что из поясницы, что из головы. Погладит эдак невесомо, пошепчет как ребенку, что-то вроде, с гуся вода, а с Мишеньки худоба, и я как водой живой sprysнутый. А какие хлеба она выпекает, Ваня, царские хлеба, распред-твою аммонал!
- Да уж вкушал, дядь Миш, смаковал, знатные хлеба!
- А ведь шесть сестер имеет миланья, одну другой рукоделистее, хлеба они тоже упекают загляденье, а завяжи мне глаза, я, наощупь, по духу хлебушек Степановны узнаю... Такая вот она у меня раскудесница, одно слово, прр-ревыше всего!
- Кончается бак-то, – вздохнул Ванек, – надо заяву ей подгонять, челобитничать.
- Надо, – кивнул Куян и блаженно прижмурился, – она уж и сама недавно пыталась, нет ли у нас нужды, сулитесь этот раз спроворить в закваску добавку какую-то из богородской травы, зверобоя, корешков хрена, не упомнишь всего, что говорила, бесы и болячки, говорит, вас с Ваняткой вообще стороной обходить станут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.